

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА Р. РОЛЛАНА СИБИРСКОМУ ПИСАТЕЛЮ Г. ВЯТКИНУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ИМЛИ РАН)

© 2023 г. М.А. Ариас-Вихиль

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке») в ИМЛИ РАН.

Аннотация: Приветствие Съезду сибирских писателей и письма сибирским писателям, написанные Ролланом в 1928 г. — малоизвестный, но значимый эпизод в отношениях Р. Роллана с СССР. Они стали ответом на просьбу Горького, высказанную им в письме к Роллану от 23 марта 1928 г. Обращение Горького было вызвано скандалом, разразившимся в эмигрантской прессе в Париже в 1927–1928 гг. в связи с публикацией анонимного воззвания «Писателям мира» о положении писателей в СССР. Приветствие Роллана должно было привлечь внимание Запада к литературе Сибири, которая была известна Роллану только по немецким географическим атласам. В ответ Роллану пришлось несколько писем сибирских писателей, группировавшихся вокруг журнала «Сибирские огни». В переписку с Ролланом вступил, в частности, Георгий Вяткин (1885–1938, репрессирован) — сибирский поэт, писатель, драматург, публицист, активный участник литературных процессов в Сибири, один из основоположников современной сибирской литературы. В Отделе рукописей ИМЛИ РАН сохранились два письма Роллана Вяткину, написанных с интервалом в шесть лет. В них Роллан касается важных тем, бывших в

центре внимания мировой общественности в то время, связанных с обсуждением итогов Октябрьской революции и происходящего в СССР, в частности, поездки в СССР Панаита Истрати, а также делится своим пониманием главных принципов литературного творчества.

Ключевые слова: Р. Роллан, Г. Вяткин, М. Горький, М. Ганди, П. Истрати, Гете.

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Архив А.М. Горького, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

Для цитирования: Ариас-Вихиль М.А. Неизвестные письма Р. Роллана сибирскому писателю Г. Вяткину (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Вып. 3. С. 260–283. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-260-283>

Письма сибирским писателям — малоизвестный, но значимый эпизод в отношениях Р. Роллана с СССР. Они были написаны по просьбе Горького, изложенной в письме к Роллану от 23 марта 1928 г. Просьба Горького была связана со скандалом, разразившемся в эмигрантской прессе в Париже в это время. С августа 1927 г. во французской эмигрантской прессе развернулась кампания против политики СССР по уничтожению русской культуры и литературы. Кампания была вызвана публикацией в газете *L'Avenir* анонимного воззвания «Писателям мира», подписанного «Группа русских писателей. Россия, май 1927», которое затем было перепечатано в самых влиятельных газетах русской эмиграции «Последние новости» и «Возрождение». В воззвании советская власть обвинялась в гибели лучших русских поэтов и писателей (Блока, Гумилева, Есенина, Сологуба и др.) и жестких репрессивных мерах по отношению к печатному слову: отсутствии у писателей возможности издавать свои произведения, цензуре, изъятии книг из библиотек и т. п. 29 августа 1927 г. известный писатель и переводчик Илья Гальперин-Каминский, сотрудник газеты *L'Avenir*, обратился со страниц своей газеты к французским писателям с просьбой поддержать русских собратьев. В течение последующих месяцев 1927 г. газета *L'Avenir* публиковала отклики русских писателей-эмигрантов (среди них — И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, Д. Мережковский и др.) на воззвание, полученное из Совет-

ской России. К. Бальмонт направил в октябре 1927 г. большое открытое письмо («воплъ-мольбу») Кнуту Гамсуну (Сегодня. 1927. № 257. 13 ноября. С. 4; перепечатано: За свободу!. 1927. № 267. 20 ноября. С. 5). И. Шмелев поддержал соотечественников со страниц газеты «Возрождение» (1927. № 779. 21 июля. С. 2). Однако усилия русских писателей-эмигрантов, пытавшихся привлечь внимание к подавлению духовной свободы в СССР, не вызвали ответной реакции у общественности Запада. Более того, осенью 1927 г., в разгар скандала, Роллан направил в СССР поздравительную телеграмму в связи с 10-летием Октябрьской революции, что еще больше отдалило его от писателей-эмигрантов, глубоко возмущенных его двойственной позицией и не простивших ему этот жест примирения и поддержки ненавистной им власти большевиков.

Таким образом, в конце 1927 — начале 1928 г. происходит окончательное размежевание Роллана с русскими писателями-эмигрантами, жившими в Париже. Последние видели в Роллане «совесть» Запада: нобелевский лауреат обладал высоким моральным авторитетом, был защитником гуманистических ценностей западной демократии, противником войны и всех форм социального насилия, проводником на Западе миротворческих устремлений индийского борца с социальной несправедливостью Махатмы Ганди, толстовца и непротивленца. Многие русские писатели-эмигранты вступили в диалог с Ролланом в поисках творческих контактов и надеясь на справедливую оценку Ролланом их положения изгнанников, лишенных родины. Ведь и Роллан был изгнанником, вынужденный уехать в Швейцарию в результате травли за пацифизм и «национальное предательство» в период Первой мировой войны. Роллану писали К. Бальмонт, И. Шмелев, И. Бунин и др. Роллан отнесся с большим сочувствием к русским писателям, высоко оценил их творчество, помогал установить контакты с литературными журналами и издательствами, интересовался новыми переводами и книгами, выходившими из-под пера эмигрантов, считая их продолжателями традиций великой русской литературы, участвовал в кампании по их выдвижению на Нобелевскую премию. Разразившийся в августе 1927 г. скандал выявил глубокие противоречия в отношении Роллана к эмиграции и прояснил его позицию по отношению к СССР.

В это время Горький, который с 1921 г. жил за границей, готовился к поездке в СССР впервые после своего отъезда, и его отношение к реакции русской эмиграции на возвращение «Писателям мира» было продиктовано этим умонастроением: «Горький “сжигал за собой мосты”, впервые позволив себе резкие публичные высказывания о русской

эмиграции в статье “О белоэмигрантской литературе”, напечатанной в “Правде” 11 мая 1928 г.» [12, с. 38]. В переписке с Горьким зимой и весной 1928 г. Роллан обсуждал сложившуюся ситуацию, всецело полагаясь на мнение своего многолетнего корреспондента. Роллан просил Горького прислать «список подлинно талантливых писателей, которые живут, пишут и издаются в теперешней России и довольны своей судьбой!» [4, с. 146]. Горький выполнил просьбу Роллана и прислал ему «список» — подробное письмо, характеризующее состояние литературы в СССР. В этом «списке» упоминаются и сибирские писатели, публикующиеся в журнале «Сибирские огни»: «...среди них есть люди, несомненно, крупных дарований» [4, с. 146].

Горький высоко оценивал деятельность журнала. По поводу литературной ситуации в Сибири Горький 12 января 1928 г. писал из Сорренто своему секретарю П.П. Крючкову:

Гиз’у следовало бы обратить внимание на литературу сибиряков. В «Сибирских огнях» — очень талантливо ведется этот журнал! — печатаются интереснейшие вещи. Кроме Караваевой и Нины Смирновой, изданных Гиз’ом, там есть и еще даровитые люди. Во избежание «сепаратистских» настроений их следовало бы почтить вниманием центра. «Новый мир» или «Кр<асная> новь», «Молодая гвардия» должны дать хорошую статью на тему «Сиб<ирская> литература за 10 лет». Многих поэтов и прозаиков Сибири можно очень похвалить. Во всяком случае, нельзя давать им замыкаться в своем кругу. Рассказы некоторых, напр<имер>, А. Сорокина «Хао-Чан» — «С<ибирские> О<гни>» книга 2-я 27-й год — следовало бы издать в «Дешевой библиотеке». «Сибир<ские> огни» праздновали в 27 году свое пятилетие, в журналах центра, это, кажется, не было отмечено [3, с. 476–477].

«Толстый» журнал «Сибирские огни» выходил с марта 1922 г. в Новосибирске. Задумывая журнал, заведующий Сибгосиздатом писатель В.П. Правдухин писал в конце 1921 г.: «Журнал объединит самый центр — Госиздат, Сибпечать, Лито, художественный отдел. Он станет притягивающим со всей Сибири центром для литературно-научных сил. Он должен стать школой для начинающих писателей» [3, с. 476–477]. Его жена известная писательница Л.Н. Сейфуллина сумела привлечь хороших авторов из бывшей столицы Сибири города Омска — П. Драверта, А. Сорокина, Г. Вяткина, А. Оленича-Гнененко. За образец был взят первый «толстый» советский журнал «Красная новь», созданный критиком А.К. Воронским в 1921 г. при поддержке В.И. Ленина и А.В. Луначарского. Правдухин специально ездил в

Москву в конце 1921 г. для консультаций, чтобы новый сибирский журнал не отставал в содержании, форме, развитии от центрального, московского.

Приветствие Роллана Второму съезду писателей Сибири (Первый съезд сибирских литераторов состоялся в марте 1926 г.) должно были привлечь внимание Запада к литературе Сибири и опровергнуть главный тезис воззвания «Писателям мира» о том, что в СССР нет достойной внимания литературы (см.: [1]). Обосновывая свою просьбу о необходимости написать приветствие Съезду сибирских писателей, в письме к Роллану 23 марта 1928 г. находившийся в Сорренто Горький отмечал:

Но для меня необходимо сообщить Вам факт, который Вам, может быть, покажется не столь значительным, каким вижу его я. Это факт необыкновенно быстрого развития в России иноплеменной литературы. За истекшие десять лет все финские, монгольские и тюрко-финские племена Союза Советов получили, как Вы знаете, письменность. Поволжские племена — чуваша, мордва, черемисы — так же, как племена Кавказа и Сибири, уже имеют свою прессу, основывают музыкальные школы, музеи, книгоиздательства, выдвигают из среды своей прозаиков и поэтов... Вообще — быстро идет процесс слияния с русской культурой.

20-го апреля в Новосибирске будет съезд литераторов-сибиряков: русских, якут бурят и других племен. Дорогой Роллан, — очень прошу Вас: пошлите этим людям несколько слов привет! Не стану говорить о том, какой радостью будет для них письмо от Вас, проповедника братства людей. Письмо Ваше Вы можете послать прямо в Новосибирск, редакции журнала «Сибирские огни» на имя <Владимира> Зазубрина — очень талантливого молодого литератора, он недавно печатался уже в одном из парижских журналов, — или пошлите мне, я сам перешлю. Очень прошу Вас об этом [4, с. 157].

Роллан в ответ написал приветствие Съезду сибирских писателей с сопроводительным письмом В.Я. Зазубрину (настоящая фамилия Зубцов, 1895–1937, репрессирован), который был в тот момент секретарем Сибирского объединения писателей, одним из самых ярких и самобытных сибирских прозаиков. По решению Сиббюро РКП(б) с октября 1923 г. он стал одним из руководящих работников Сибкрайиздата, председателем и секретарем журнала «Сибирские огни». Приветствие Роллана было опубликовано в журнале «Сибирские огни»¹,

¹ Сибирские огни. 1928. Кн. 3. Май — июнь. С. 223–224.

хотя Съезд сибирских писателей не состоялся из-за развернувшейся ожесточенной литературной и политической борьбы, превратившейся в травлю Зазубрина и «Сибирских огней» [12, с. 95]. В конце апреля 1928 г. прошло краевое совещание представителей Ассоциации пролетарских писателей. Итогом совещания стало образование Сибирской ассоциации пролетарских писателей. С образованием СибАПП стало возможным создание в мае 1928 г. Сибирского отделения Федерации объединений советских писателей (ФОСП), куда также вошел и Сибирский союз писателей [10, с. 517].

Просьбу Горького о написании приветствия сибирским писателям Роллан выполнил, хотя на немецких атласах, которыми пользовался, не нашел Новосибирска — города, где должен был проходить съезд: город Новониколаевск получил новое название в 1925 г. В ответ Роллану пришло несколько писем сибирских писателей, группировавшихся вокруг журнала «Сибирские огни». В переписку с Ролланом вступил, в частности, Георгий Вяткин (1885–1938, репрессирован) — сибирский поэт, писатель, драматург, публицист.

Имя Георгия Андреевича Вяткина (1885–1938) было известно далеко за пределами Сибири² еще со времен первой русской революции 1905 г. Вяткин был потомственным казаком, сыном старшего урядника, музыканта Омской казачьей станицы. В 1899 г. он окончил учительскую семинарию в Томске. Свое первое стихотворение «Не грусти, утомленный страданьем...» Вяткин опубликовал в 1900 г. в газете «Сибирская жизнь», когда ему было всего 14 лет. С 1901 г. он работал в журнале «Сибирский наблюдатель», с 1903 г. — в газете «Сибирский Вестник», а с 1905 г. стал сотрудником крупнейшей томской газеты «Сибирская Жизнь», а также ряда других периодических изданий Сибири («Сибирские отголоски», «Сибирская Мысль», «Молодая Сибирь» и др.) и российских литературных журналов («Вестник Европы», «Ежемесячный журнал», «Русское Богатство», «Летопись», «Нива», «Русская Мысль», «Лебедь» и др.). Вяткин принимал участие в знаменитых телешовских «Средах» в Москве. Активный участник литературных процессов в Сибири, один из основоположников сибирской литературы, Вяткин был близко знаком с И.А. Буниним, А.М. Горьким (сохранилась их переписка), А.И. Куприным, А.А. Блоком, А.Н. Толстым, Б.К. Зайцевым, В.Ф. Комиссаржевской, В.Я. Шиш-

² Подробнее о Вяткине см. в исследовательских статьях, сопровождающих материалы книги Вс. Иванова: [8, с. 578–588]. В Рукописном отделе ИРЛИ РАН с 1974 г. находится личный архив К.В. Вяткиной, первой жены сибирского писателя, в котором сохранились творческие материалы, письма, фотографии и книги ее мужа.

ковым, В.В. Вересаевым, В.Д. Бонч-Бруевичем, Ф.Д. Батюшковым, В.Я. Брюсовым, А.С. Серафимовичем, Л.Н. Андреевым и др. В октябре 1915 г. Вяткина призвали в действующую армию в санитарный отряд Всероссийского союза городов. После демобилизации 1917 г. он возвратился в Сибирь и продолжил свою литературную деятельность в Омске. Октябрьскую революцию Вяткин не принял, примкнул к эсерам, а затем стал активным сотрудником омской печати Верховного правителя России А.В. Колчака (в газетах «Заря», «Русская Армия», «Правительственный вестник», журналах «Единая Россия», «Отечество», «Родина», «Возрождение» и др.), сопровождал его в поездке на Тобольский фронт осенью 1919 г. В 1919 г. в Екатеринбурге вышла книга стихов Вяткина «Раненая Россия». После падения правительства Колчака Вяткин оказался в Иркутске. Ему удалось уцелеть, несмотря на арест по доносу (возможно, свою роль сыграло близкое знакомство с управляющим делами Совета народных комиссаров В.Д. Бонч-Бруевичем, с которым он смог связаться телеграммой во время следствия в Омске [8, с. 587]). В письме Бонч-Бруевичу Вяткин объясняет: «По существу я человек далекий от политики вообще и в контрреволюционеры попал случайно. Интересы мои, как Вы знаете, лежат в другой плоскости: литературы, искусства, театра — именно тех сторон культуры, которые столь широко развернула ныне Сов<етская> власть» [8, с. 588]. С конца 1925 г. Вяткин работает в редакции журнала «Сибирские огни», печатается в журналах «Сибирь», «Товарищ», становится одним из инициаторов созыва Первого съезда сибирских писателей (март 1926 г.) и переезжает в Новосибирск. В начале 1930-х гг. Вяткин вошел в редколлегия Сибирской советской энциклопедии (после ареста по обвинению в белогвардейском заговоре ее создателей П.К. Казаринова, Г.И. Черемных, В.Г. Болдырева). Однако в 1937 г. Сибирскую энциклопедию закрывают, Вяткина исключают из Западно-Сибирского отделения Союза советских писателей. В декабре 1937 г. его арестовали и приговорили к расстрелу (реабилитирован в июне 1956 г.)³.

³ С 1938 г. печатать Вяткина перестали, его имя было забыто, а архив утрачен. Лишь в начале 2000-х гг., благодаря усилиям в первую очередь внука писателя А.Е. Зубарева, омские ученые начали изучение творческого наследия Вяткина, поиски его материалов в архивах Сибири, Москвы и Санкт-Петербурга. В 2007 г. в Омске было издано собрание его сочинений в пяти томах, в 2012 г. вышел дополнительный том. В это издание частично вошли и документальные материалы из архива его жены этнографа К.В. Вяткиной, хранящиеся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН. В 2016 г. в Омске была напечатана книга «Носите Родину в сердце», написанная А.Е. Зубаревым и включающая биографию писателя и его произведения, опубликованные в последние годы

Сохранившиеся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН два письма Роллана написаны Вяткину с интервалом в шесть лет. В них Роллан обсуждает две важные темы, находившиеся в то время в центре внимания европейской общественности. В первом письме (от 14 августа 1928 г.) речь идет о поездке в СССР французского писателя румынского происхождения Панаита Истрати — «балканского Горького», по словам Роллана⁴. Роллан предполагает, что Истрати, находившийся в СССР шестнадцать месяцев (с перерывами с октября 1927 по февраль 1929 г., то есть практически весь 1928 г.), посетит и Сибирь и, в частности, Новосибирск, жителем которого был Г. Вяткин. Однако Истрати за время своего пребывания в СССР до Сибири не доехал. В главе «Через города и деревни, степи и моря, горы и реки» своей книги «К другому пламени» (*Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S.*, 1929), написанной по итогам поездки, Истрати приводит свой маршрут (Одесса; Крым; Украина; Москва; Беково; Мурманск; Кемь; Молдавская АССР; Волга; Нижний Новгород — Балахна, Казань, Самара, Саратов — Покровск, Сталинград, Астрахань; Закавказье: Тифлис, Боржоми, Ереван, Ахалцихе — Вардзия, Баку, Телав (Кахетия), Батуми — Сухум — Новый Афон, Гагры — Сочи — Москва).

Встреча Вяткина и Истрати, которую планировал Роллан, так и не состоялась. В письме Вяткину Роллан представляет Истрати как своего друга и единомышленника, творчество которого он ставит выше творчества современных ему писателей Запада. Ранее тому, связанную с пребыванием в СССР П. Истрати, Роллан обсуждает с Горьким. В письме от 18 января 1928 г. Горький пишет Роллану: «Рассказывали мне, что Истрати понравился в России, и он хочет остаться там жить» [4, с. 144]. Особенно Роллан подчеркивает такие черты личности Истрати, как независимость и бесстрашие духа. Истрати придерживался левых взглядов, но в компартию Франции не вступил. В 1927 г. его пригласили в Москву на празднование 10-й годовщины Октябрьской революции. В это время его произведения переводятся в СССР и публикуются в самых авторитетных журналах. Однако его путешествие по стране Советов стало источником глубокого разочарования писателя. По возвращении во Францию в 1929 г. он публикует трилогию «К другому пламени», в которой советский строй подвергается сокру-

жизни. В 2017 г. в Омске издана антология стихов омских поэтов 1918–1919 гг. «Поэзия Белой столицы», в которую вошли стихи Г. Вяткина. Подробная библиография произведений Вяткина и исследований о его творчестве приведена в статье А. Дубровского [7, с. 474–475].

⁴ Rolland R. Un Gorki balkanique // Europe. 1923. № 7. P. 257–259.

шительной критике (позже в таком же разоблачительном духе были написаны книги «Возвращение из СССР» (1936) А. Жида и «Слепая тьма» (1941) А. Кестлера). О путешествии Истрати по СССР см.: [9].

Во втором письме (от 23 мая 1934 г.) Роллан дает уже совершенно другую характеристику писателю, обсуждая результаты его путешествия по стране Советов, закончившегося скандальной публикацией книги «К другому пламени» (1929), отразившей изменившееся отношение Истрати к происходившему в СССР. Тема Истрати в письме Роллана отражает эволюцию взглядов самого Роллана на происходящее в СССР: от осуждения итогов Октябрьской революции в 1920-е гг. к восхищению социалистическим строительством в 1930-е гг. Максимализму Истрати Роллан противопоставляет концепцию мирного противодействия власти, связанную с деятельностью Махатмы Ганди. Последователь идей Толстого, Махатма Ганди — кумир Роллана: в письме Вяткину он разъясняет, что именно ценно в опыте Ганди и как может им воспользоваться человечество. В 1923 г. Роллан написал очерк о Ганди (*Europe*⁵ № 2. 15 марта; № 3. 15 апреля; № 4. 15 мая). 8 февраля 1923 г. он сообщает Горькому:

Я только что закончил большой этюд на тему, которую Вы, быть может, не одобрите, — так как, мне кажется, Вы не очень доверяете индийской мысли, — о Махатме Ганди. Напечатан он будет в журнале «Эроп»; а затем послужит предисловием к произведениям Ганди, которые я поручил перевести на французский и немецкий языки. — И все же, когда Вы прочтете его, то, я уверен, полюбите Ганди, как и я. Он самый чистый гений, самый искренний и самый простой из всех живущих на свете. В нем есть что-то общее со Св. Франциском. Большое сердце, горящее любовью, и какая энергия! Слыхали ли Вы что-нибудь о его двадцатилетней героической кампании в Южной Африке, еще до 1914 года, и о его конечной победе? Изумительный социальный опыт! Европейцы обычно извращают его, называя «непротивлением», тогда как это самое сверхчеловеческое сопротивление, это — сопротивление первых христианских мучеников [4, с. 52–53].

Роллан высоко оценивал двадцатилетнее противостояние Ганди правительству Южно-Африканского Союза, возглавившего в Прето-

⁵ Литературный и общественно-политический журнал «Эроп» (*Europe*, «Европа») основан в 1923 г. в Париже группой писателей во главе с Ролланом и Ж.-Р. Блоком. В 1924 г. журнал взял курс на сближение с СССР. В редакцию входили Поль Колен, Леон Базальжет, Дюмениль де Грамон.

рии борьбу 150 тысяч индусов-иммигрантов за свои права. Деятельность Ганди вынудила правительство Южной Африки принять ряд законов, уравнивавших индусов в правах с остальным населением. Горький с воодушевлением отнесся к очерку Роллана о Ганди и предложил опубликовать его в своем журнале «Беседа»⁶:

Очень благодарю Вас за Ваше обещание писать для «Беседы»; журнал, кажется, будет интересным, особенно в его научной части... Не дадите ли Вы, кроме обещанных очерков, и Вашу статью о Ганди? Я бы очень просил Вас дать и ее. У нас знают о нем только по газетам, а русским не мешает познакомиться с первоисточником некоторых воззрений, принятых ими в плоть и кровь [4, с. 54].

В «Беседе» очерк был опубликован в двух первых номерах журнала (1923). Первая часть очерка Роллана о Ганди по рекомендации Горького была напечатана в Москве в журнале «Красная новь» в переводе М. Козловой (1923. № 4).

Роллан упоминает в первом письме и присланную ему Вяткиным поэму «Ермак», высоко оцененную Горьким, который возлагал большие надежды на литературу Сибири⁷.

Помимо идеологической критики творчества и политической позиции Истрати большая часть второго письма Роллана Вяткину посвящена анализу его собственного писательского опыта: Роллан раскрывает свою творческую лабораторию в виде советов начинающим писателям. Очевидно, делает он это по просьбе Вяткина. Писать надо только тогда, когда в этом есть насущная потребность, необходимость. Второй совет: искренность. Секрет стиля Роллан видит в точности и краткости. Роллан пишет о важности подготовительной работы и о важности работы над словом. Обосновывая свои наблюдения над писательским ремеслом, он ссылается на слова «великого Гёте»: «Дух реальности — настоящий идеал». При этом Роллан считает необходимым следовать собственной природе и личностным особенностям: «в искусстве ничего нельзя создать, если действовать

⁶ «Беседа» — журнал литературы и науки, издавался Горьким в Берлине при участии профессора Б.А. Адлера, Андрея Белого, профессора Ф.А. Брауна, В.Ф. Ходасевича. Выходил с 1923 по 1925 г. (всего вышло семь номеров). Подробнее о публикации очерка Роллана в «Беседе» см.: [2, с. 89–90].

⁷ Вяткин в своих воспоминаниях о Горьком приводит его высказывание о Сибири, относящееся к 1914 г.: Горький «говорил, что Сибирь себя еще покажет и должна показать и в литературе, и в жизни, и что у нее огромное будущее» [6, с. 404].

против своей природы»⁸. Урок «литературной учебы», который дает Роллан начинающим писателям, перекликается с заветной мыслью Горького о том, что писатель-самоучка может овладеть секретами писательского мастерства, каким бы ни было его происхождение и образование. Этот вывод Горький сделал на основании собственного опыта, опыта рабочей школы на Капри, богдановской идеи создания новой рабочей и крестьянской интеллигенции, которая нашла свое воплощение в развитии движения рабкоров и селкоров в советское время, в деятельности Пролеткульта. Характерно, что и Роллан адресует свои «фундаментальные советы» «начинающим писателям, особенно выходцам из рабочих и крестьян»⁹, выступая в роли единомышленника и соратника Горького в деле просвещения масс.

Ранее в письме главному редактору «Сибирских огней» Заzubрину от 2 апреля 1928 г. Роллан высказал свою заинтересованность в развитии литературы Сибири. Он просил Заzubрина: «Будьте добры, держите меня в курсе дискуссий, которые будет происходить на вашем съезде, а затем в курсе вашей работы» [11, с. 122].

Как мы видим по этому письму, Роллан был намерен продолжать знакомство с сибирскими писателями. Он прямо говорит о том, что ждет ответного письма-отчета о Съезде, «о дискуссиях» и хочет быть в курсе литературной ситуации в Сибири, в курсе литературной «работы» сибирских писателей. Продолжением этого интереса и стала переписка Роллана с Г. Вяткиным.

1.

Р. Роллан — Г. Вяткину

Villeneuve (Vaud), villa Olga
14 août 1928.

Cher Georges Wiatkin,

Je vous remercie de votre affectueuse lettre. Je suis heureux de savoir la sympathie que l'on a, en Sibérie, pour mes écrits. Que n'ai-je la santé de venir vous voir et vous témoigner, de vive voix, mon amitié!

Je suis actuellement dans la montagne, à quelque distance de Villeneuve; et naturellement, je n'emporte pas ma photographie avec moi! J'ai bien assez de voir l'original, depuis soixante-deux ans! — Mais voici une petite carte postale, qui est assez ressemblante. Plus heureuse que

⁸ Наст. изд. С. 278.

⁹ Наст. изд. С. 277.

moi, mon image vous suivra du regard, ainsi que les amis de Novosibirsk.

L'année prochaine, j'espère, vous aurez la visite de mon amis Panaït Istrati, qui parcourt les Républiques Soviétiques, dans tous les sens. Vous connaissez certainement ce grand écrivain français, (romano-grec, de naissance), qui est le plus indépendant et le plus intrépide esprit. Je l'admire au dessus de tous les écrivains vivants de l'Occident, et je l'aime fraternellement.

Je vous serre la main de tout coeur.

Votre dévoué

Romain Rolland

Ne sachant pas le russe, je n'ai pu lire encore votre poème «Ermak»; mais rentré à Villeneuve, je trouverai une amie russe qui me le lira.

Вильнев (Во), вилла Ольга
14 августа 1928 г.

Дорогой Жорж Вяткин,

Благодарю Вас за Ваше теплое письмо. Я счастлив узнать о сочувствии людей в Сибири к моим произведениям. Жаль, что мне не хватает здоровья приехать¹ к Вам и лично засвидетельствовать мою дружбу!

Сейчас я в горах, недалеко от Вильнёва²; и, конечно же, у меня нет с собой моей фотографии! С меня достаточно видеть оригинал в течение шестидесяти двух лет! — Но вот небольшая открытка, вполне похожая.³ Счастливее меня, мой образ будет с Вами и с друзьями из Новосибирска.

В следующем году, я надеюсь, вас посетит мой друг Панаит Истрати⁴, который путешествует по советским республикам во всех направлениях. Вы наверняка знаете этого великого французского писателя (румыно-греческого происхождения), обладающего самым независимым и бесстрашным духом. Я восхищаюсь им больше всех ныне живущих писателей Запада и люблю его по-братски.

Сердечно жму Вам руку.

Преданный Вам

Ромен Роллан

Не зная русского языка, я еще не мог прочесть Вашу поэму «Ермак»⁵, но по возвращении в Вильнёв я найду русскую подружку⁶, которая мне её прочтет.

Комментарии

Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Ф. Р. Роллана. Оп. 1. Ед. хр. 14.

Печатается по автографу, впервые.

¹ В статусе «друга СССР» Роллан неоднократно получал приглашения посетить СССР. Его поездка состоялась летом 1935 г. Решение о дальнейшей поездке, несмотря на проблемы со здоровьем, Роллан принял после переезда Горького в СССР и под его личные гарантии. Однако в СССР Роллан не выезжал за пределы Подмосковья, хотя и мечтал о поездке по Волге вместе с Горьким.

² Вильнёв (Villeneuve) — город на западе Швейцарии (Швейцарская Ривьера), во франкоязычном кантоне Во, в котором жил Роллан после отъезда из Франции, которую писатель-пацифист покинул из-за развязанной против него травли в период Первой мировой войны.

³ Открытка не сохранилась.

⁴ Панаит Истрати (1884–1935) родился в Румынии, но с 1916 г. жил в Швейцарии, а затем с 1920 г. — во Франции. Его знакомство с Ролланом, имевшим высокий моральный авторитет в среде европейской интеллигенции, состоялось при весьма трагических обстоятельствах: в 1921 г. Истрати попытался покончить жизнь самоубийством, оставив своему литературному кумиру Роллану предсмертное письмо. Роллан узнал о письме и поддержал начинающего писателя, назвав его «балканским Горьким» в предисловии к его первому роману «Кира Киралина» (1923).

⁵ Речь идет о поэме Г. Вяткина «Сказ о Ермаковом походе», опубликованной в журнале «Сибирские огни» в 1927 г. Исследователь Л.В. Суматохина приводит отклик Горького на поэму Вяткина: на просьбу Г. Вяткина прочесть его «Сказ о Ермаковом походе» Горький отвечал, что уже читал поэму, и она ему очень понравилась [6, с. 109].

⁶ В Швейцарии Роллан знал многих русских эмигрантов, о чем неоднократно упоминается в его переписке с А.В. Луначарским и А.М. Горьким. В уже цитированном письме Зазубрину Роллан отмечает: «К сожалению, я совсем не читаю по-русски, но если вы могли бы писать мне по-французски, по-немецки, по-английски, по-итальянски или по-испански, я попросил бы перевести мне то, что вы пришлете» [11, с. 122]. В качестве переводчика, вероятно, выступала близкий друг Роллана, педагог школы Монтессори Эльза Гартох (Elsa Hartoch, 1879–1981), уроженка Санкт-Петербурга, из семьи известного немецкого инженера Оскара Гартоха, директора Петербургского нефтеперегонного завода американской компании «В. Роопс и К°». После Октябрьской революции Эльза приняла немецкое гражданство, с 1920-х гг. работала в Женеве секретарем директора и основателя (в 1924 г.) Женевской международной школы А. Ферьера. В СССР оставался брат Эльзы Оскар

Оскаревич Гартох (1881–1942, репрессирован) — ученый-микробиолог и иммунолог с мировым именем, в его защиту неоднократно выступал Роллан в связи с двумя его арестами в 1930-е гг. Роллан поддерживал дружбу с братом и сестрой Гартохами до конца жизни.

2.

Р. Роллан — Г. Вяткину

Villeneuve (Vaud) Suisse, villa Olga
23 mai 1934

Cher G. Viatkine,

Je vous remercie cordialement de votre lettre du 26 avril. Je suis touché d'avoir d'aussi chauds amis, à Novosibirsk. Comme je voudrais pouvoir aller leur serrer la main! Mais j'ai à combattre contre une maladie, qui m'interdit les longs voyages. Si j'arrivais à la vaincre, croyez que la première chose, que je ferais, serait d'aller en URSS. Le meilleur de mes sympathies et de mes espoirs est là, avec vous.

— Je réponds, aussi brièvement que je le puis, à vos questions:

1. Ne point confondre Gandhi avec Istrati! Ce ne sont, à aucun titre, des hommes à mettre sur le même plan. Istrati n'est rien de plus qu'un écrivain de grand talent qui a un cœur ardent et déréglé, aucune valeur de jugement, objectivité nulle, un tempérament toujours emporté par ses amours, ses haines, ses caprices, il est la proie des gens qu'il rencontre et des événements. Je l'ai connu, après qu'il avait taché de se suicider par désespoir, j'ai été frappé de son génie artistique qui s'ignorait, je l'ai encouragé à écrire et je l'ai fait connaître. Il m'a témoigné une affection débordante; et puis après il s'est irrité contre moi, parce que je condamnais sévèrement ce qu'il a écrit contre l'URSS; il m'a pris à partie dans les journaux; nous sommes brouillés.

Il en est tout autrement de Gandhi. Gandhi est une des plus hautes personnalités morales, une des plus désintéressés et des plus pures que je connaisse, au monde. Et je le connais bien. J'ai suivi de près sa vie et son action depuis quarante ans. Jamais son grand caractère ne s'est démenti. Je suis sûr de sa loyauté, comme de la mienne. — Quant à son rôle sociale, pour l'apprécier exactement, il faudrait bien connaître l'état réel de l'Inde depuis quarante ans. Elle était au dernier degré de l'asservissement et du découragement. C'est Gandhi qui lui a rendu, par son exemple héroïque (souvent emprisonné, battu, menacé de mort) le

fier sentiment de sa dignité, et qui a réveillé en elle le souffle puissant de l'indépendance. Ce n'était pas une petite tâche : imaginez trois cents millions d'êtres humains, ressuscités par l'inlassable propagande d'un petit homme frêle, armé seulement de son abnégation, de sa raison et de son absolue sincérité. — Sa propre éducation sociale est assez faible; elle ne repose que sur ses expériences personnelles, d'ailleurs riches et variées; Gandhi est un homme qui lit très peu, mais qui est constamment en contact avec le peuple, et qui ne cesse pas d'expérimenter par l'action tout ce qu'il croit vrai: si l'action expérimentée lui donne tort, il n'hésite pas à le reconnaître et à chercher une autre voie vers la justice sociale et la vérité. — C'est parce que je le connais ainsi que je lui fais confiance. Il est un homme toujours en marche, il ne s'arrête jamais. Si on lui montre, sans violence, par la raison, par l'expérience, où est le vrai, il s'y acheminera, quoi qu'il lui en puisse coûter, — mais naturellement après qu'il s'en sera convaincu, par un mûr examen. Or, comme toutes ses sympathies les plus profondes sont avec le peuple du travail, avec les millions de déshérités et d'opprimés, je suis à peu près certain que, s'il vit encore dix ans, il se mettra à la tête de tout le mouvement de leurs revendications dans l'Inde contre le capitalisme indigène et la bourgeoisie. Je reste avec lui dans les rapports les plus affectueux d'amitié, et je m'efforce de l'éclairer. Même quand il se trompe, c'est de bonne foi et par conviction désintéressée. Nul homme n'a fait un sacrifice de soi, aussi constant, aussi entier. Et sa sincérité est absolue. — Même si j'étais amené par les circonstances à le combattre personnellement, je continuerais de vénérer son caractère.

2. «Quels conseils fondamentaux donner aux écrivains commençants, surtout des milieux ouvriers et paysans»:

a. Le premier conseil: — ne jamais rien écrire, avant qu'on ne s'y sente impérieusement obligé, ou par un devoir d'action sociale et de conscience, ou par une nécessité intérieure. Il est non seulement inutile, mais nuisible de grossir le nombre déjà exagéré des écrivains par des raisons de simple caprice, ou de vanité. Tout ce qu'on écrit doit être, ou sembler nécessaire.

b. Quand on écrit, être sincère, et s'obliger à la sincérité. N'écrire que pour dire la vérité de ce qu'on pense, de ce qu'on voit, de ce qu'on croit.

c. Travailler à le dire le plus exactement, sous la forme la plus précise, la plus immédiate, la plus nette et la plus brève. — C'est là tout le secret du style. Si l'on y arrive, on écrit bien. Mais c'est difficile: car le plus souvent, il faut peiner, pour débarasser la pensée de sa gangue, de son terreau, de tout l'obscur, l'embrouillé et l'inutile qui l'enveloppe.

d. Un tel travail, chacun doit le faire seul, personnellement, car chacun a à lutter contre les défauts propres de sa nature ; et ces défauts, il faut les bien connaître, chacun doit être son juge sévère. — Mais un tel travail pour

conquérir la fermeté et la netteté de l'expression sera beaucoup facilité par la lecture de quelques beaux et grands livres de la littérature «classique» de sa propre langue. On en étudiera la composition générale, la structure des chapitres, et dans ces chapitres celle de la phrase, la logique de la pensée et la valeur des mots.

Tout ce qui précède est le travail préparatoire, travail technique indispensable pour forger l'instrument et pour s'exercer à le manier.

Ceci fait, le vrai travail de création commence. — On se trouve en présence de divers courants d'art différents: réalisme, naturalisme, romantisme, etc.

La première chose est de suivre le courant qui exprime le mieux sa propre nature. Car, si l'on peut et si l'on doit mûrir et perfectionner sa nature, on ne fait rien de bon, en art, contre sa nature.

Mais, en ce qui me concerne, je prends comme règle générale ce précepte de grand Goethe, qui embrassait toutes les puissances de l'esprit: «Dichtung und Wahrheit» lyrisme et science :

«L'esprit du réel et le véritable idéal».

Tâchons de pénétrer «L'esprit du réel», — pas seulement l'écorce! Allons au fonds! Il faut atteindre aux forces puissantes et sous-jacentes de réel, et les faire jaillir au dehors. Vous qui êtes les ouvriers et les témoins de la gigantesque reconstruction d'un monde, ne vous contentez pas de peindre l'agitation superficielle et confuse du chantier! Forgez les âmes, l'âme collective, comme un puits! Que les grandes nappes d'énergies cachées, qui alimentent tout l'U.R.S.S., sortent du sol et se répandent! C'est le défaut de la plupart des oeuvres littéraires soviétiques d'à présent, de se borner à la description extérieure des faits de la construction. Il faut évoquer, il faut susciter, il faut rayonner le brûlant esprit d'exaltation, d'abnégation enthousiaste et de ferme foi, qui y préside et qui soulève les équipes. Au réalisme de l'observation doit s'allier un lyrisme naturel du coeur qui le réchauffe. C'est un équilibre difficile à réaliser. Là encore, l'exemple des plus grands maîtres pourra éclairer les débutants.

— Je ne sais pas si vous pourrez trouver facilement à Novo-Sibirsk un camarade, qui vous traduise mon français. J'espère que vous arriverez à vous faire lire ma lettre.

Je vous serre la main cordialement, cher camarade, et je vous prie de transmettre à mes amis, que je ne connais pas, de Novo-Sibirsk, mes saluts fraternels.

Romain Rolland

Вильнев (Во) Швейцария, вилла Ольга
23 мая 1934 г.

Уважаемый Г. Вяткин,

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 26 апреля. Я тронут тем, что у меня в Новосибирске такие добрые друзья. Как бы я хотел пожать им руку! Но мне приходится бороться с болезнью, которая не позволяет мне дальние путешествия. Если бы мне удалось ее победить, поверьте, первое, что я бы сделал, это поехал бы в СССР. Лучшие мои чувства и надежды с вами.

— Отвечаю, как могу кратко, на ваши вопросы:

1. Не путайте Ганди¹ с Истрати! Их ни в коем случае нельзя ставить на один уровень. Истрати всего лишь писатель большого таланта, с пылким и беспорядочным сердцем, не имеющий способности суждения, не обладающий объективностью ни в малейшей степени, вспыльчивый, увлекающийся, ведомый своими любовью, ненавистью, капризами, он — добыча людей, которых он встречает, и событий. Я познакомился с ним после того, как он от отчаяния пытался покончить жизнь самоубийством, я был поражен его художественным гением, который не осознавал себя, я поощрял его писать и сделал его известным. Он был переполнен любовью ко мне; а потом на меня рассердился за то, что я строго осудил то, что он писал против СССР; он упрекал меня в газетах; мы поссорились.²

Совсем другое дело Ганди. Ганди — одна из самых высоконравственных личностей, одна из самых бескорыстных и чистых, которых я знаю, в мире. И я хорошо его знаю. Я внимательно следил за его жизнью и действиями на протяжении сорока лет. Он никогда не изменял своему великому характеру. Я уверен в его верности, как в своей. — Что же касается его социальной роли, то, чтобы ее точно оценить, нужно знать реальное положение Индии последние сорок лет. Она находилась в крайней степени порабощения и уныния. Именно Ганди вернул ей своим героическим примером (его часто сажали в тюрьму, избивали, угрожали смертью) гордое чувство собственного достоинства и пробудил в ней могучее дыхание независимости. — Это была непростая задача: представьте себе триста миллионов человеческих существ, возвращенных к жизни неутомимой пропагандой маленького хрупкого человека, вооруженного только самоотречением, разумом и абсолютной искренностью. — Его собственные знания об обществе довольно слабые; они основываются исключительно на его личном опыте, впрочем, богатом и разнообразном; Ганди очень

мало читает, но постоянно находится в контакте с народом, он не перестает проверять на деле все, что считает истинным: если его действия доказывают его неправоту, он, не колеблясь, признает это и ищет другой путь к социальной справедливости и истине. Именно потому, что я знаю его таким, я доверяю ему. Он человек, который всегда в движении, он никогда не останавливается. Если ему показать, без насилия, при помощи разума и опыта, где истина, он пойдет туда, чего бы это ему ни стоило, — но, естественно, после того, как убедится в этом, путем тщательного обдумывания. Теперь, когда все его глубочайшие симпатии на стороне трудящихся, миллионов обездоленных и угнетенных людей, я почти уверен, что, если он проживет еще десять лет, он возглавит движение протеста рабочих в Индии против местного капитализма и буржуазии. Я остаюсь с ним в самых теплых дружеских отношениях и делаю все возможное, чтобы прояснить его. Даже когда он ошибается, это делается добросовестно и из бескорыстного убеждения. Такого постоянного, полного самопожертвования не совершал ни один человек. И его искренность абсолютна. — Даже если бы обстоятельства заставили меня сразиться с ним лично, я бы все равно уважал его характер.

2. «Какие принципиальные советы дать начинающим писателям, особенно из рабочих и крестьянских слоев»:

а. Первый совет: никогда ничего не пишите, пока не почувствуете себя абсолютно обязанным сделать это либо по долгу общественного действия и совести, либо по внутренней необходимости. Не только бесполезно, но и вредно раздувать и без того преувеличенное число писателей из соображений простого каприза или тщеславия. Все, что вы пишете, должно быть или казаться необходимым.

б. Когда вы пишете, будьте искренними и обяжите себя быть искренним. Пишите только для того, чтобы говорить правду о том, что вы думаете, что видите, во что верите.

в. Работайте над тем, чтобы сказать это как можно точнее, в самой точной, непосредственной, самой ясной и краткой форме. — В этом весь секрет стиля. Если вам удастся это сделать, вы хорошо пишете. Но это трудно: потому что чаще всего приходится потрудиться, чтобы освободить мысль от пустой породы, от почвы, от всей тьмы, спутанности и бесполозности, которая ее обволакивает.

г. Такую работу каждый должен делать сам, лично, потому что каждый должен бороться с недостатками своей натуры; эти недостатки надо хорошо знать, каждый должен быть себе строгим судьей. — Но такую работу по завоеванию твердости и ясности выражения очень облегчит чтение прекрасных и великих книг «классической» литера-

туры на родном языке. Мы изучим их общую композицию, структуру глав, а в этих главах — структуру предложения, логику мысли и значение слов.

Все вышеперечисленное — подготовительная работа, техническая работа, необходимая для того, чтобы выковать инструмент и попрактиковаться в обращении с ним.

После этого начинается настоящая творческая работа. — Мы находимся в пространстве самых разных течений в искусстве: реализм, натурализм, романтизм и т. д.

Главное — следовать тому течению, которое лучше всего выражает вашу натуру. Потому что, если можно и нужно созреть и усовершенствовать свою натуру, то в искусстве ничего нельзя создать, если действовать против своей природы.

Что касается меня, я беру за правило такое наставление великого Гёте, воплотившего всю мощь духа: “*Dichtung und Wahrheit*”³, поэзия и правда:

«Дух реальности и истинный идеал».

Попробуем проникнуть в «Дух реальности», а не только в его оболочку! В самую глубину! Необходимо достичь мощных подспудных сил реальности и дать им вырваться наружу. Вы, рабочие и свидетели гигантского переустройства мира, не довольствуйтесь тем, что рисуете поверхностное и смутное волнение стройки! Куйте души, коллективную душу, как колодец! Пусть великие пласты скрытых энергий, питающие весь СССР, выйдут из-под земли и распространятся! Недостаток большинства современных советских литературных произведений состоит в том, что они ограничиваются внешним описанием фактов строительства. Надо вызвать, надо пробудить, надо излучать пылкий дух воодушевления, восторженного самоотречения и твердой веры, которая руководит им и поднимает людей. Реализм наблюдения должен сочетаться с естественным лиризмом сердца, согревающим его. Трудно достичь баланса. И здесь пример величайших мастеров может просветить начинающих.

— Не знаю, легко ли найти в Ново-Сибирске (sic!) товарища, который переведет вам мой французский. Надеюсь, вам удастся прочесть мое письмо.

Сердечно жму вам руку, дорогой товарищ, и прошу передать моим друзьям, которых я не знаю, из Ново-Сибирска мой братский привет.

Ромен Роллан

Комментарии

Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 5 Р. Роллана. Оп. 1. Ед. хр. 14 (2 п., 6 л.). Публикуется впервые.

¹ В своем творчестве Роллан много раз обращается к фигуре Махатмы Ганди (Мохандас Кармчанд, 1869–1948), индийского философа и политического деятеля, последователя Толстого. См. выше.

² В уже упоминавшейся трилогии «К другому пламени» перу Истрати принадлежал лишь первый том «После шестнадцати месяцев в СССР», отразивший изменение отношения Истрати к стране Советов. Трилогии создавалась Истрати в соавторстве с коммунистами-диссидентами В. Сержем (1890–1947) и Б. Сувариным (1895–1984), что не было указано в ее первом издании по политическим причинам (В. Серж жил в СССР до 1936 г.). Подробнее об эволюции взглядов Истрати и рецепции его творчества в СССР см. статью Н.Ю. Харитоновой: [13]. Роллан отговаривал Истрати от публикации этой книги, отказ Истрати послужил причиной разрыва дружбы писателей. О Ромене Роллане и Истрати см. статью Б. Суварина¹⁰.

³ „Dichtung und Wahrheit“ (полное название „Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben“ (1811–1831), «Поэзия и правда: из моей жизни») — автобиографическое сочинение И.В. Гете (1749–1832). Роллану близко отношение Гете к своей работе: «Главная задача биографии состоит именно в том, чтобы обрисовать человека в его отношениях к своему времени и показать, насколько целое было враждебно ему, насколько оно ему благоприятствовало, как он составил себе взгляд на мир и людей и как он отразил его во внешнем мире в качестве художника, поэта, писателя» [5, с. 13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ариас-Вихиль М.А. Приветствие Р. Роллана Съезду сибирских писателей (1928) // Сибирь как поле межкультурных взаимодействий. М.: Азбуковник, 2021. С. 476–494.
2. Ариас-Вихиль М.А. Роллан и Горький: вокруг путешествия Р. Роллана в СССР (1935) // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 59–118.

¹⁰ Суварин Б. Панаит Истрати и коммунизм. Окончание // Континент. 1981. № 29. С. 209–222.

3. Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 14: Неизданная переписка. 532 с.
4. Архив А.М. Горького. М.: Наследие, 1995. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). 543 с.
5. *Гете И.В.* Поэзия и правда: из моей жизни / пер. Н.А. Холодковского, вступ. ст. и примеч. Е.М. Браудо. Петербург; М.: Гос. изд-во, 1923. Ч. 1. 188 с.
6. Горький и Сибирь. Письма, воспоминания / сост. С.Е. Кожевников, А.Л. Коптелов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1961. 463 с.
7. *Дубровский А.* «Дик и чуден Алтай...» (по материалам Архива Г.А. Вяткина в ИРЛИ РАН) // Сибирь как поле межкультурных взаимодействий. М.: Азбуковник, 2021. С. 450–475.
8. *Иванов Вс.* «Бронепоезд 14-69». Контексты эпохи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.
9. *Легенькова Е.А.* Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элены Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 110–120.
10. Литературная столица Сибири // История города: Новониколаевск — Новосибирск. Исторические очерки. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2005. Т. 1. С. 505–564.
11. Письма Ромена Роллана (1928–1936) / публ. М.А. Ариас-Вихиль // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 119–151.
12. *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. 235 с.
13. *Харитонова Н.Ю.* От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых — начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. С. 20–30.

UNKNOWN LETTERS FROM R. ROLLAND TO THE SIBERIAN WRITER G. VYATKIN (BASED ON THE MATERIALS OF THE DEPARTMENT OF MANUSCRIPTS OF THE IWL RAS)

© 2023. Marina A. Arias-Vikhil

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00393 “*Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, 20 century*”) in IWL RAS.

Abstract: Rolland’s greeting to the Congress of Siberian Writers and letters to Siberian writers written by Rolland in 1928 are a little-known but significant episode in R. Rolland’s relations with the USSR. They were written at Gorky’s request in a letter to Rolland dated March 23, 1928. Gorky’s request was connected with a scandal that broke out in the émigré press in Paris in 1927–1928 in connection with the publication of an anonymous appeal to “Writers of the World” on the situation of writers in the USSR. Rolland’s greeting was supposed to draw the attention of the West to the literature of Siberia, which was known to Rolland only from German geographical atlases. In response, Rolland received several letters from Siberian writers who were grouped around the “Siberian Lights” magazine. In particular, Georgy Vyatkin (1885–1938, repressed), a Siberian poet, writer, playwright, publicist, an active participant in the literary processes in Siberia, one of the founders of modern Siberian literature, entered into correspondence with Rolland. The Department of Manuscripts has preserved two letters from Rolland to Vyatkin, written six years apart. In them, Rolland touches on important topics that were at the center of attention of the world community at that time, related to the discussion of the results of the October Revolution and what is happening in the USSR, in particular, Panait Istrati’s trip to the USSR, and also shares his understanding of the main principles of literary creativity.

Keywords: R. Rolland, G. Vyatkin, M. Gorky, M. Gandhi, P. Istrati, Goethe.

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Archive of A.M. Gorky, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

For citation: Arias-Vikhil, M.A. “Unknown Letters from R. Rolland to the Siberian Writer G. Vyatkin (Based on the Materials of the Department of Manuscripts of the IWL RAS).” *Codex manuscriptus*, issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 260–283. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-260-283>

REFERENCES

1. Arias-Vikhil', M.A. "Privetstvie R. Rollana S"ezdu sibirskikh pisatelei (1928)" ["R. Rolland's Greeting to the Congress of Siberian Writers (1928)"]. *Sibir' kak pole mezhkul'turnykh vzaimodeistvii* [Siberia as a Field of Intercultural Interactions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, pp. 476–494. (In Russ.)
2. Arias-Vikhil', M.A. "Rollan i Gor'kii: vokrug puteshestviia R. Rollana v SSSR (1935)" ["Rolland and Gorky: Around R. Rolland's Journey to the USSR (1935)"]. *Postizhenie Zapada. Inostrannaia kul'tura v sovetskoi literature, iskusstve i teorii. 1917–1941 gg.* [Comprehension of the West: Foreign Culture in Soviet Literature, Art and Theory, 1917–1941]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 59–118. (In Russ.)
3. Arkhiv A.M. Gor'kogo [Archive of A.M. Gorky], vol. 14: *Neizdannaya perepiska* [Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 532 p. (In Russ.)
4. Arkhiv A.M. Gor'kogo [Archive of A.M. Gorky], vol. 15: *M. Gor'kii i R. Rollan. Perepiska (1916–1936)* [M. Gorky and R. Rolland. Correspondence (1916–1936)], part 1. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 543 p. (In Russ.)
5. Goethe, J.W. *Poeziia i pravda: iz moei zhizni* [Poetry and Truth: From My Life], trans. by N.A. Kholodkovskii, introd. and comm. by E.M. Braudo. Peterburg; Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 188 p. (In Russ.)
6. Kozhevnikov, S.E., and Koptelov, A.L., editors. *Gor'kii i Sibir'. Pis'ma, vospominaniia* [Gorky and Siberia: Letters, Memories]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1961. 463 p. (In Russ.)
7. Dubrovskii, A. "“Dik i chuden Altai...” (po materialam Arkhiva G.A. Viatkina v IRL RAN)" ["“Wild and Wonderful Altai...” (Based on the Materials of the Archive of G.A. Vyatkin in IRL RAS)"]. *Sibir' kak pole mezhkul'turnykh vzaimodeistvii* [Siberia as a Field of Intercultural Interactions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, pp. 450–475. (In Russ.)
8. Ivanov, Vs. "Bronepoezd 14-69". *Konteksty epokhi* ["Armored Train 14-69": Contexts of the Epoch]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 736 p. (In Russ.)
9. Legen'kova, E.A. "Puteshestvie v Rossiiu 1928 g. glazami Eleni Samios-Kazandzakis: v zashchitu Panaita Istrati" ["The Journey to Russia in 1928 through the eyes of Eleni Samios-Kazandzakis: In Defense of Panait Istrati"]. *Noveishaia istoriia Rossii*, no. 3, 2015, pp. 110–120. (In Russ.)
10. "Literaturnaia stolitsa Sibiri" ["Literary Capital of Siberia"]. *Istoriia goroda: Novonikolaevsk — Novosibirsk. Istoricheskie ocherki* [The History of the City: Novonikolaevsk — Novosibirsk; Historical Essays], vol. 1. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2005, pp. 505–564. (In Russ.)

11. Arias-Vikhil', M.A., editor. "Pis'ma Romena Rollana (1928–1936)" ["Letters from Romain Rolland (1928–1936)"]. *Postizhenie Zapada. Inostrannaya kul'tura v sovetskoj literature, iskusstve i teorii. 1917–1941 gg.* [Comprehension of the West: Foreign Culture in Soviet Literature, Art and Theory, 1917–1941]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 872 p. (In Russ.)
12. Sumatokhina, L.V. M. *Gor'kij i pisateli Sibiri.* [M. Gorky and Writers of Siberia]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 235 p. (In Russ.)
13. Kharitonova, N.Iu. "Ot revoliutsionera k renegatu. Transformatsiia obraza Panaita Istrati v tsentral'noi sovetskoi pechati kontsa dvadtsatykh — nachala tridsatykh godov" ["From revolutionary to renegade: Transformation of the Image of Panait Istrati in the Central Soviet Press of the Late Twenties — Early Thirties"]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, no. 10, 2015, pp. 20–30. (In Russ.)